

1949 г.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ,

ПРОВЕРЕНО
2010г.

ИЗДАВАЕМЫЯ

КН IV

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

КАЗАНСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ.

1840.

КНИЖКА IV.

КАЗАНЬ,

въ университетской типографіи.

1840.

КРИТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА РѢЧИ ТУКИДИДА.

(Ивана Синайскаго.)

Разсматривая умственные оригинальныя произведенія людей гениальныхъ, особенно такія, въ которыхъ мы сами, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, участвуемъ сердцемъ, удивляемся имъ до чрезвычайности, удивляемся имъ столько, что не находимъ подобныхъ имъ, ставимъ ихъ выше всѣхъ, и того, кто не одинаковаго съ нами мнѣнія о обожаемомъ нами твореніи ума человѣческаго, не рѣдко преслѣдуемъ колкими замѣчаніями, насмѣшками, даже считаемъ иногда необразованнымъ. Такъ Діонисій галикарнаскій, ¹ строгій и почти всегда безпристрастный критикъ Грековъ - классиковъ, заслужилъ и доселѣ заслуживаетъ упреки отъ поклонниковъ Тукидида за строгій о немъ отзывъ, за точность въ сужденіяхъ, за то, что онъ, какъ нелицемѣрный судія, хвалилъ въ Тукидидѣ то, что достойно этого, а о томъ, что противныхъ свойствъ, давалъ противные и отзывы.

¹ Περὶ τῆς Θουκυδίδου, ιδιοματων καὶ χαρακτῆρος.

Конечно Фукидидъ въ изложеніи историческихъ обстоятельствъ точенъ, въ критикѣ строгъ; въ трудахъ неутомимъ, въ словѣ силенъ и спокоенъ, въ искусственности изложенія и сочетанія всѣхъ обстоятельствъ не подражаемъ; внутреннее расположеніе его творенія величественно и преисполнено мыслей; его исторія — трагедія, только невымышленная, а истинная; словомъ — онъ своими образцовыми качествами доселѣ изумляетъ всѣхъ ученыхъ, всѣхъ, сколько нибудь понимающихъ его; и всѣ охотно приписываютъ ему все лучшее, все, что могутъ измыслить совершеннаго, даже иногда приписываютъ ему то, на что не имѣютъ твердыхъ и ясныхъ доказательствъ.

Особенно съ отличной стороны онъ выказываетъ себя въ рѣчахъ, въ которыхъ вѣншая отдѣлка отлична, дѣйствующія лица изображены живописно, картинно. Многие ученые говорятъ, что рѣчи сіи дѣйствительно произносимы были тѣми лицами, которымъ они приписываются, впрочемъ такъ, что авторъ исторіи и пелопоннесской войны изложилъ ихъ не отъ слова до слова и не со всею точностію и въ отношеніи къ понятіямъ и образу мыслей, впрочемъ всегда высказывалъ ихъ главные мысли и всюду говорилъ тономъ, приличнымъ произносившимъ ихъ лицамъ.

Другіе, впрочемъ очень не многіе, предполагаютъ, что рѣчи сіи всѣ выдуманы самимъ историкомъ и что лицамъ,

коимъ онѣ приписываются, никогда не приходило на мысль того, что содержится въ нихъ, и что сіи рѣчи не иное что, какъ пустыя скудоумныя прибавленія къ исторіи. Положимъ, что сіи рѣчи всѣ вымышлены самимъ историкомъ; впрочемъ и тогда нельзя будетъ называть ихъ таковыми прибавленіями; ибо чего стоило одному историку говорить и языкомъ полководца, и съ философомъ разсуждать по философски, и съ ораторомъ говорить со всѣми украшеніями краснорѣчія, и при таковыхъ обстоятельствахъ уже отказаться отъ собственнаго образа мыслей и отъ собственнаго образа выраженія? — Это видно въ рѣчахъ Фукидида. Для разрѣшенія сихъ и подобныхъ недоумѣній и возраженій обратимся къ самому писателю; послушаемъ его. Онъ говоритъ (lib. 1 с. 22): *καὶ ὁ ἀμφοτέρωθεν εἰπὼν ἕκαστος, . . . χαλεποῦ τῆ ἀκρίβειαν αὐτῆ τῶν λεθέντων διαμνημονεύειν ἢ ὡς δ' αὖ εἶδον ἐμοὶ ἕκαστος περὶ τῶν αἰ παροῦτων τὰ δέοντα μάλιστα εἰπεῖν, ἐχομένῳ ὅτι εὐγυντάτα τῆς ξυμβαλλῆς γυνῆς τῶν ἀληθῶς λεχθέντων, ὅπως εἰρησται.* Смыслъ сихъ словъ такой: „трудно было упомянуть и точнѣйшимъ образомъ выразить все, что говорили (историческія лица) о чемъ я и не заботился, но какъ каждое лицо, соображаясь съ настоящими обстоятельствами должно было говорить, такъ мнѣ и переданы ихъ слова, и я, сколько возможно было, старался приблизиться къ главной мысли сказаннаго на самомъ дѣлѣ.“ Изъ сихъ словъ ясно видно, что Фукидидъ, конечно по обстоятельствамъ времени, не могъ удержать въ памяти

и помѣстить въ своей исторіи всѣхъ рѣчей отъ слова до слова, т. е. такъ, какъ онѣ были говорены историческими лицами, что нѣкоторыя рѣчи изложены имъ собственными его словами, но, по содержанію или главной мысли, и онѣ не его собственность, а собственность тѣхъ лицъ, коимъ приписываются.

Но если въ рѣчахъ Фукидида главные мысли принадлежатъ лицамъ, которыя говорятъ и представляются дѣйствующими, въ нихъ; то что же принадлежитъ Фукидиду, и есть ли единство въ мысляхъ, единство въ составѣ, и единство въ образѣ изложенія въ его рѣчахъ и въ его исторіи? — Конечно это законныя требованія критики. Постараемся удовлетворить имъ. По отношенію къ образу мышленія: Фукидидъ былъ ученикъ славнаго въ древности философа Анаксагора (Marc. vit. Thud. 22), который называлъ творцемъ міра какой-то умъ, не только творящій, но безпредѣльный, вѣчный, всевѣдущій, всемогущій и всемъ управляющій (Plat. Phaed. p. 72) и училъ, что цѣль всѣхъ дѣйствій человѣческихъ раждается и опредѣляется умомъ творческимъ, что истина познается нашимъ умомъ, который есть лучшая и высшая часть души человѣческой, есть нѣчто божественное. Подобнымъ образомъ и Фукидидъ представляетъ лица мыслящими и дѣйствующими въ рѣчахъ и въ исторіи по тому образцу, которому самъ слѣдуетъ. Люди дѣйствуютъ у него свободно; руководствуются во всемъ собственнымъ разсужденіемъ, всегда съ сознаниемъ своей

свободы и нравственного достоинства, всегда подчиняя свои дѣйствія уму высочайшему, божественному, но никогда не подчиняя оныхъ судьбѣ, какъ было прежде. Посему умъ божественный и умъ человѣческой представляются согласно дѣйствующими — первый въ судьбѣ всего человѣчества, а послѣдній въ дѣлахъ каждаго человѣка; посему Фукидидъ выхваляетъ въ своихъ герояхъ преимущественно сіи добродѣтели: силу духа (*ἐνέργεια*), благоразуміе (*βουεβία*) и воздержаніе; и человѣкъ, одаренный сими добродѣтелями, самъ созидаетъ свою судьбу. Въ особенности же всякой усиѣхъ въ дѣйствіяхъ приписывается благоразумію. Но какъ Анаксагоръ безпредѣльный умъ почиталъ умомъ божественнымъ, правящимъ всемъ міромъ; такъ Фукидидъ, допуская ничто божественное въ самомъ человѣкѣ и внѣ человѣка, предъ благоразуміемъ даетъ преимущество преобладающей власти, которою управляются общества человѣческія.

Отличаясь предъ своими соотечественниками высшимъ взглядомъ на предметы, онъ никогда не потворствуетъ политическимъ партіямъ и толпамъ Аѳианъ, равно и простому народу, увлекавшемуся суевѣріемъ, но не причастному истинной мудрости. Онъ порицаетъ и отвергаетъ народо-правленіе, и вездѣ выхваляетъ правленіе вельможное, впрочемъ только благоразумное, умеренное (*αριστοκρατία βαφρονα*), и потому онъ весьма уважалъ Перикла, почиталъ его мудрымъ правителемъ, который хотя иногда давалъ перевѣсъ партіи народной

предъ незначительнымъ числомъ богатей, однако всегда и вездѣ желалъ и искалъ счастья и благоденствія одной республики. Самъ Фукидидъ больше всего желалъ спасенія Греціи и имѣлъ пламенную любовь къ отечеству, такъ что, когда говоритъ о порокахъ своихъ согражданъ, всегда припоминаетъ о добродѣтеляхъ своихъ предковъ и о тѣхъ доблестныхъ подвигахъ на поляхъ маратонскихъ и въ сраженіи при Саламинѣ, которые доставили свободу Греціи. Повсюду въ его исторіи и въ рѣчахъ видно рѣдкое знаніе всѣхъ обстоятельствъ греческихъ областей, знаніе состоянія каждой области въ частности, и точный обзоръ состоянія всѣхъ областей въ совокупности. Это изумляетъ читателя. Онъ не только видитъ и изображаетъ счастье, но и несчастье — начало упадка образцовой по всѣмъ отношеніямъ Греціи, изображаетъ живо, вѣрно, но всегда съ тяжкою сердечною скорбію и открытымъ сожаленіемъ объ отечествѣ.

По отношенію къ составу: правда, Фукидидъ не ораторъ, но онъ вездѣ, гдѣ только позволяли обстоятельства, выполнялъ требованія искусства краснорѣчія. Выполняя общіе законы сего искусства, онъ не былъ невнимателенъ даже къ *частнѣйшимъ* изъ нихъ; онъ употреблялъ самый дѣйствительный, но неизвѣстный другимъ, способъ убѣжденія. Вилетая въ свою исторію пространныя политическія рѣчи, носящія на себѣ печать высокаго искусства, рѣчи, въ коихъ всѣ побудительныя причины и государственныя виды каждаго важнаго собы-

тія излагаются съ различныхъ точекъ зрѣнія противоположныхъ партій; онъ всегда употреблялъ доказательства одинаково высокія, одинаково сильныя, у него одинъ способъ изобрѣтенія; одинаковы, впрочемъ отлично успѣшно измышленные обороты рѣчи и фигуры, которыя обыкновенно называютъ *επιχειρήματα*, *εὐθυμηματα*, *δεικτικά*, *ἐλεγκτικά*, *υποσῆμας*, *παράδειγματα*. Самъ Демосенъ, отличавшійся высокимъ образомъ мышленія и силою слова, и, кажется, восемь разъ переписавшій своею рукою Фукидида, силу и вѣсь словъ почерпалъ изъ Фукидида (Diop. ep. ad Pomp. 3, 20). Въ рѣчахъ его такая связность, такая стройность мыслей, такая внутренняя полнота, что глава римскихъ ораторовъ — Цицеронъ, отдавая въ семь отношеніи Фукидиду первенство предъ всѣми, затрудняется опредѣлить, больше ли въ Фукидидѣ словъ, или больше мыслей, объясняются ли его словами самыя событія, или самими мыслями, выражающими событія, объясняются слова его (Cic. de Orat. 11, 13). — Далѣе Фукидидъ, не смотря на то, что въ его время искусство краснорѣчія не достигло опредѣленныхъ формъ, сдѣлавшихся извѣстными послѣ него, особенно во времена Аристотеля и Цицерона, непримѣтнымъ образомъ, но, можно смѣло сказать, точно выдерживалъ всѣ главнѣйшія части рѣчи ораторской — вступленіе, объясненіе обстоятельствъ дѣла, по случаю коихъ предлагается рѣчь, предложеніе, доказательства и убѣжденіе въ видѣ заключенія. Особенно доказательная часть у него отлична; она наполнена глубокомыслія, убѣдительности, разборчивости

въ мысляхъ, остроумія, силы и вѣса въ мысляхъ. Достаточно доказавъ взятый предметъ и совершенно привлеки слушателей на свою сторону, онъ въ концѣ рѣчи предлагаетъ убѣжденіе слушателямъ къ выполнению предложенныхъ въ рѣчи предположеній, но кратчайшимъ образомъ и столь сильно, что слушатели въ самыя минуты рѣчи уже готовы вполне исполнить все то, что предлагаетъ ораторъ.

По отношенію *къ способу выраженія*: не можемъ, хотя бы и желательно, изчислить и объяснить всѣхъ свойствъ образа выраженія въ рѣчахъ Фукидида; мы скажемъ только то, что слова его суть вѣрные отпечатки души каждаго лица, говорящаго или дѣйствующаго въ его рѣчахъ, какъ это подтверждаетъ Аристотель: *επιεικὸς γὰρ ἀπαιτεῖ νομίζεσθαι εἰκονὰς εἶναι τῆς ἐκαστῆς ψυχῆς τὰς λόγους*. Въ семь отзвѣвъ заключаются всѣ совершенства слога, какія можемъ требовать не только отъ оратора, но даже отъ стихотворца.

Замѣтивъ таковыя свойства въ рѣчахъ Фукидида, мы не можемъ не сознаться, что всѣ онѣ вышли изъ подъ одного его пера, а лицамъ, коимъ приписываются рѣчи, какъ мы сказали уже, принадлежать большею частію главные мысли, или содержаніе оныхъ.

Отъ общаго обратимся къ частному; сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія на рѣчи Фукидида, помѣщенныя въ

первой книгѣ ; не будемъ вдаваться въ неудоборазрѣшимые, представляющіеся намъ здѣсь вопросы касательно времени написанія какъ самой первой книги исторіи, въ коей излагаются причины войны пелопоннеской и начало преобладанія аѳинской области, какъ и содержащихся въ ней рѣчей, не будемъ говорить, подобно тѣмъ, которые неизвѣстно чѣмъ хотятъ доказать, что сія книга по времени написана, послѣ седьмой, и что происшествія описаны Фукидидомъ не какъ самовидцемъ, не съ самаго дѣла, но послѣ, по соображенію послѣдствій съ началами, и которые подозрѣваютъ истинность рѣчей, какъ въ отношеніи къ лицамъ, коимъ онѣ приписываются въ томъ смыслѣ, какъ мы сказали выше, такъ и въ отношеніи къ самому содержанію. Не будемъ дѣлать и другихъ подобныхъ предположеній ; обратимъ вниманіе наше на характеръ рѣчей сей книги вообще, и въ частности изложимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ рѣчахъ, помѣщенныхъ въ первой книгѣ исторіи войны пелопоннеской, Фукидидъ выказываетъ такое основательное и точное познаніе своего предмета, знаніе движеній сердца человѣческаго, какого не видимъ и не надѣемся увидѣть ни у одного оратора. Такъ, въ первой рѣчи онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ представляетъ и необыкновенную проницательность Корциранъ касательно предстоявшей пелопоннеской войны, ихъ обстоятельныя свѣдѣнія объ островѣ Сициліи (сар. 36), о выгодахъ, имѣвшихъ произойти отъ переправы флота на сей

островъ и отъ высадки на оный войска. Не менше удивительно то, когда противныя стороны приходятъ на сцену политическаго дѣйствованія изъ различныхъ странъ, раздѣленныхъ конечно немалымъ пространствомъ, являютъ ся на назначенномъ мѣстѣ въ одинъ день, даже въ одинъ часъ, и безъ значительнаго продолженія времени одна страна начинаетъ чрезъ кого либо говорить, а другая отвѣтствуетъ и при томъ съ такою обдуманностію, какая кажется, возможна только тогда, когда предположимъ, что одна сторона знаетъ мысли другой, прежде обнаруженія оныхъ въ рѣчи. — Далѣе посмотримъ на свойства Лакедемонянъ, Аѳинянъ и другихъ союзниковъ Пелопоннеса (lib. 1 с. 67 до 87). Такъ Коринѳяне у него говорятъ и говорятъ дѣйствительно; ибо Фукидидъ (сар. 67) говоритъ: *παρεχάλειν δὲ εὐθύς ἐς τὴν Λακεδαιμόνα τῆς ξυμμαχῆς*, и еще тамъ же: *οἱ δὲ Λακεδαιμόνιοι προεπαράχαλέβαντες τῶν ξυμμαχῶν τε καὶ εἰ, τίς τι ἄλλο εἶπεν ἠδίκηθαι ὑπὸ Ἀθηναίων ξυλλογῶν βρῶν αὐτῶν νοηθέντες τοῦ ἐῶθιστα λέπτειν ἐκέλευον*.

А для того, что бы въ Фукидидѣ видѣть оратора, и притомъ говорящаго не по обстоятельствамъ только и по движеніямъ сердца, но даже по правиламъ искусства краснорѣчія, рассмотримъ рѣчь Перикла, которую онъ представляетъ въ первой книгѣ (lib. 1 с. 140 — 145). Въ ней мы видимъ тотъ же духъ, тотъ же образъ мысленія, какой и въ прочихъ, видимъ и удивляемся, пото-

му что и Перикль былъ не только димагогъ — политикъ, но и ораторъ. Теперь спрашивается, передалъ ли потомству Фукидидъ эту рѣчь, на тѣхъ основаніяхъ, какъ мы сказали выше, т. е. удержавъ и выразивъ въ ней только главныя мысли, или дѣйствительно Перикль говорилъ эту рѣчь, а Фукидидъ передалъ ее потомству такою, какою она вышла изъ быстрогибкихъ устъ великаго димагога? — Безъ сомнѣнія, Фукидидъ могъ передать намъ не только главныя, но и всѣ частныя мысли Перикла; потому что они оба учились въ школѣ Анаксагора, и потому оба могли мыслить и дѣйствовать на основаніи однихъ и тѣхъ же началъ: (Marcell. vit. Thuc. 22 Plut. Pericl. 8, 17). Посему сколько Перикль былъ выше народной толпы, столько Фукидидъ былъ выше всѣхъ дѣписателей, но у обоихъ политической образъ мышленія опирается на началахъ философа клазоменскаго, Перикль неодобрялъ въ душѣ своей народнаго правленія (*δημοκρατία*), но, немогши сдѣлать желаннаго переворота, онъ употреблялъ всѣ способы къ тому, что бы управлять умами народа, впрочемъ съ тѣмъ, чтобы своими совѣтами и отличнымъ, ему только свойственнымъ благоразуміемъ, всегда дѣйствовать въ пользу и для славы отечества, а вмѣстѣ и въ предотвращеніе его гибели. Забравъ всю власть въ свои руки, онъ прекратилъ собранія, служившія къ удовлетворенію чувственныхъ страстей, рѣже являлся въ толпѣ народной, говорилъ не о всемъ все и всякому, и не всегда приходилъ даже въ торжественныя собранія для рѣшительныхъ со-

вѣщаний. Почему Критолай у Плутарха (lib. 1) сравниваетъ его съ саламинскою трехвесельною галерою, которую не всегда употребляли, но берегли для важнѣйшихъ случаевъ. Хотя онъ всячески старался, чтобы не подозрѣвали его въ тираніи, впрочемъ вельможи не принимали этого; они видѣли, что вся власть въ рукахъ Перикла, впрочемъ несмѣли противиться ему, особенно смотря на цѣль его дѣйствій. Пусть комики, особенно Телеклидъ (Plut. Pericl. с. 16) смѣялись надъ нимъ, но онъ, руководясь своимъ благоразуміемъ, предупреждалъ всѣ неприятности на счетъ своей личности и для поддержанія образа мыслей народа, всегда оставался выше образа мыслей немногочисленной касты ученыхъ софистовъ. Всегда пылая любовію къ отечеству, онъ при всякомъ случаѣ употреблялъ предоставленную ему власть для спасенія и благоденствія своего отечества; презирая собственную пользу, изыскивалъ и употреблялъ всѣ способы къ тому, чтобы при немъ однѣ Аѣины цвѣли и блистали между греческими областями, какъ яркое солнце на небесномъ горизонтѣ; словомъ, онъ жилъ, трудился и умеръ для пользы и для славы своего отечества. И тотъ блескъ Аѣинамъ, которому мы доселѣ удивляемся, доставилъ собственно онъ необыкновеннымъ благородствомъ мыслей и непреодолимою силою своего духа. Такъ и Фукидидъ, если должнымъ образомъ вникнемъ въ его исторію, въ его жизнь, имѣлъ тотъ же духъ, тотъ же образъ мыслей, тѣ же намѣренія, и такой же образъ дѣйствованія, какой и Периклъ; даже былъ поставленъ

въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ по жизни гражданской (Plut. Pericl. 4 Marcel. vit. Thuc. 22, 25). Послѣ сего, и особенно присовокупивъ, что какъ Периклъ, такъ Фукидидъ образовались въ наукѣ краснорѣчія по методѣ софистовъ и были товарищи по школѣ, можно ли сомнѣваться, что историкъ пелопоннесской войны могъ передать рѣчь великаго димагога отъ слова до слова. Это подтверждается и тѣмъ, что, по указанію Фукидида и по предположенію Свида, Периклъ возможнымъ въ то время образомъ передавалъ свои мысли и слова другимъ на письмѣ: Свидя говоритъ: *πρωτος γραπτου λογου εν δικαστηριω ειπε*. И самое изящество рѣчи не позволяетъ намъ сомнѣваться въ нашихъ предположеніяхъ, потому что сами древніе удивлялись Периклу не только какъ прозорливѣйшему политику, но и какъ оратору, сильному словомъ. Аристофанъ (Acharn. 535) говоритъ о немъ: *επιτιμιος ηστραπτεο, εβροοντα, βουσεχοχα τηρ ελλαδα*. Но если и Фукидидъ, помѣщая рѣчь Перикла въ своей исторіи, и измѣнилъ чтонибудь въ оной, то безъ сомнѣнія незначительное, и при томъ не для безславія, но для большей чести Перикла, коего онъ былъ не только соученикомъ, но даже другомъ. Теперь остается, по возможности, указать, что принадлежитъ въ оной Фукидиду, и что Периклу.

Присутств. Общія мѣста, находящіяся въ присутствіи, заключающія глубокомысленный взоръ на предметы и умѣнье дѣлать общія мысли занимательными, надобно

приписать Фукидиду, впрочем онъ не уменьшаютъ славы лица говорящаго. Фукидидъ представляетъ Перикла убѣждающимъ своихъ согражданъ. „По моему мнѣнію, говоритъ онъ, ненадобно уступать Пелопоннесцамъ, хотя я и знаю, что люди иначе думаютъ, когда имъ предлагаютъ войну, и иначе тогда, когда уже откроютъ войну на самомъ дѣлѣ“. Это приличествуетъ собственно образу мыслей Фукидида: Neoph. Duk. изъясняетъ сіе такъ: *εμὲν τοῖς περὶ πολέμῃς λόγοις εἰδὼ πρόθυμοι καὶ ὀρθοὶ πρὸς πόλεμον, ἐν δὲ τοῖς ἐργοῖς ἀπολείπονται*. Эта мысль имѣетъ близкое отношеніе къ словамъ Фукидида (lib. 1. 120): *Ἐνθυμέσθαι γὰρ εὐδὲς ὁμοίᾳ τῇ πίστει καὶ ἐργῶ ἑπεξέρχεται*. Фукидидъ выше приведенными словами, кои влагаютъ въ уста Периклу, конечно хочетъ уничтожить хулу, которую сочинили на Перикла комическіе стихотворцы, выраженную въ сихъ словахъ: *Πάλαι γὰρ αὐτοῦ λόγοισι προαγεῖ Περικλέης, ἐργοῖσι δ' εὐδὲ κίωσι* (Frag. Cratin. apud Plut. Pericl. 13).

Далѣ Фукидидъ продолжаетъ: „Если вы уже рѣшились вести войну, то умоляю васъ помогать намъ, когда мы будемъ несчастны, и если дѣла наши будутъ вовсе неудачны, то позаботьтесь о благоразуміи, не полагайтесь на счастье, ибо политическія событія такъ же не предвидѣны и обманчивы, какъ и мысли человѣческія. Почему въ томъ, что случается сверхъ нашего чаянія, и при томъ не въ нашу пользу, мы обвиняемъ счастье“. Итакъ весь при-

ступъ принадлежитъ Фукидиду. Посмотримъ на прочія части рѣчи.

Повѣствованіе. Лакедемоняне какъ прежде, такъ особенно нынѣ строятъ намъ ковы. Ибо они хотятъ дѣйствовать вопреки условій союза, дѣйствовать незаконно, и защищать себя не столько словами, сколько оружіемъ. Они безъ всякаго основанія, руководясь одною своею волею, повелѣваютъ намъ отступить отъ осажденной нами Потидеи, повелѣваютъ освободить Эгину и невозвѣщать ничего народу о Мегарцахъ. И только что пришедшіе сюда предписываютъ намъ, чтобы мы позволили Грекамъ жить по ихъ законамъ. Ибо уничтожить сдѣланное опредѣленіе касательно Мегарцовъ немаловажное дѣло, потому что, если вы будете участвовать въ этомъ, васъ, какъ боязливыхъ и робкихъ, заставятъ сдѣлать еще больше (глав. 140).

Предложеніе. Теперь рѣшитесь или, не потерпѣвъ ни малѣйшаго урона на войнѣ, исполнить ихъ требованія, или, что мнѣ кажется многимъ лучше, не уступая имъ ни подъ какимъ видомъ, рѣшитесь вести войну и мужественно защищать и удержатъ за собою всѣ свои владѣнія и пріобрѣтенія. Если кто изъ васъ будетъ спорить о военныхъ снарядахъ и о способахъ для войны, каждое воинское дѣло, совершенное нами пусть научитъ и убѣдитъ васъ, что мы и въ этой войнѣ не унизимъ себя.

Доказательства: 1) Пелопоннесцы воздѣлываютъ поля собственными своими руками и не имѣютъ богатствъ. По этому они не могутъ вести войны продолжительной, и при томъ за морями; они не могутъ выставить порядочнаго флота и сухопутныхъ силъ. Недостаточные люди охотнѣе сражаются силами тѣлесными, чѣмъ денежными; и Пелопоннесцы, хотя бы на одномъ какомънибудь сраженіи и устояли противъ Грековъ, но, при несравненно бѣльшемъ запасѣ военныхъ снарядовъ на стороне непріятелей, они ни какъ не могутъ вести войны долгое время (глав. 141).

2) Если бы они вздумали выстроить противъ насъ укрѣпленія, — намъ и тогда, кажется, не должно ничего бояться. Ибо построеніе стѣнъ не только въ военное время, но даже во время мирное, весьма затруднительно. Если же они построятъ какуюнибудь крѣпость, — мы пристанемъ кораблями къ ихъ полямъ и отмстимъ за это.

3) Сверхъ сего они не опытны и не искусны въ морскомъ дѣлѣ, которое намъ знакомѣе и выгоднѣе, полевое дѣло. И они не скоро постигнутъ свойства морскаго дѣла и выгоды флота. И мы дошли до этого чрезъ многократные и долговременные опыты и упражненія. Мы не позволимъ имъ производить даже самыхъ морскихъ экзерцицій; наши корабли во множествѣ безпрестанно будутъ наблюдать за этимъ. Но извѣстно, опытность и

искусство въ управленіи и дѣйствованіи флотомъ приобрѣтается постояннымъ занятіемъ въ этомъ дѣлѣ, чего они не имѣютъ и не могутъ имѣть (гл. 142). Если бы они даже на деньги, хранящіяся въ сокровищницахъ дельфійскихъ и на Олимпѣ, наняли моряковъ изъ чужихъ государствъ, и тогда намъ бояться нечего. Ибо мы найдемъ и выставимъ и кормчихъ и гребцовъ изъ своихъ согражданъ больше, нежели вся прочая Греція.

4. Они могутъ опустошить какую нибудь небольшую часть земли; а мы можемъ отправиться на корабляхъ въ Пелопоннесъ; опустошимъ часть его, и это опустошеніе будетъ для нихъ болѣе пагубно, нежели сколько было бы пагубно для насъ опустошеніе цѣлой Аттики. Великое дѣло имѣть власть и первенство на моряхъ; если бы мы были островитяе, никакой непріятель не пришелъ бы къ намъ. Посему не должно спорить съ Пелопоннесцами, многочислѣннѣйшими насъ; но, оставивъ поля и строенія, надобно защищать море и городъ; а о деревняхъ и поляхъ нимало непомышлять (глав. 143). Послѣ сихъ убѣжденій я совѣтую отвѣтствовать Лакедемонянамъ слѣдующее: мы намѣрены позволить Мегарцамъ и свободную торговлю и входъ въ порты, если они не распространятъ на насъ и на нашихъ союзниковъ закона о изгнаніи изъ ихъ области чужестранцевъ (*ξενολαβια*). Сверхъ сего мы хотимъ позволить вольнымъ городамъ жить по своимъ законамъ, если они докажутъ, что они были свободные и вольные въ то время, какъ заключаемъ

быль союзъ , и если эти города сами возвратятъ прежнему свободу городамъ , подавшимъ подъ власть ихъ. Наконецъ мы готовы снова приступить къ сужденію о семъ дѣлѣ , на основаніи заключеннаго договора ; мы готовы не начинать войны , даже остановить уже начатыя военныя дѣйствія.“ До селѣ говорилъ самъ Периклъ ; это не только его мысли , но и слова. За симиъ сдѣдуетъ заключеніе пера Фукидидова.

Заключеніе. Впрочемъ теперь необходимо воевать. Война , начатая нами самими добровольно , будетъ и не такъ тяжела и доставитъ намъ больше славы. Намъ стыдно быть ниже и слабѣе нашихъ предковъ , которые при малочисленнѣйшихъ силахъ и при невыгоднѣйшихъ обстоятельствахъ , неубоялись нападенія Мидянъ , превозмогли ихъ и значительно распространили свои владѣнія.“

И такъ всѣ мысли , помѣщенныя въ сей рѣчи принадлежатъ Периклу : не смѣемъ утверждать сего же и касательно словъ , Впрочемъ и самыя слова большею частію принадлежатъ Периклу же ; ибо Фукидидъ жилъ въ Аѣнахъ въ правленіе Перикла и самъ слышалъ его рѣчи , какъ онъ говоритъ : *ὡν αὐτὸς ἤκουε* (lib. 1 cap. 22) , но если измѣнены писателемъ , то измѣнены потолку , поколику требовали этого образованность писателя , его образъ выраженія , образъ мыслей и соотношеніе этой рѣчи къ цѣлому творенію.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
1.) Понятіе объ исторіи философіи. (<i>Преп. фил. архим. Гавріила.</i>) - - - - -	3.
2.) <i>Recherches sur l'action magnétique de la terre.</i> (<i>Par M. Simonoff.</i>) - - - - -	49.
3.) Статистическіе очерки сѣверо-американскаго Союза. (<i>О. проф. Горлова.</i>). - - - - -	73.
4.) Критическій взглядъ на рѣчи Фукидида (<i>Ивана Снайскаго.</i>) - - - - -	113.
5.) Отчетъ о хирургической университетской клиникѣ. (<i>Орд. проф. Дубовицкаго.</i>) - - - - -	131.
6.) Движеніе народонаселенія въ казанской губерніи. (<i>О. П. И. Горлова.</i>) - - - - -	167.

